

Бухта, Глава 7

Татарский пролив закрыт черными тучами. Рвущие пространство моря швалы ветра срывают водяную пыль с гребней волн и длинными флагами полощутся в яростном и бестолковом танце.

Вдруг американцу понадобилось пополнить ничейным углем с Сахалина топливные бункера «Викерса». Остров, как сэндвич покрыт углем, и три роты стрелков, отправленные еще Муравьевым для удержания «де-факто» территории Сахалина, не могут препятствовать свободной угледобычи с берега.

Взбесившаяся, смеющаяся стихия, как вечный магнит судьбы, притянула Бакунина назад - Россия не отпускает своих узников просто так. После жесточайшего шторма шкуну, истревав за три тошнотворных дня, отнесло к приморскому берегу Уссурийского края, и невольные «аргонавты» встали на якорь в неизвестной бухте открытой с моря. В любое время из-за мыса может показаться русский сторожевой клипер, и тогда - позор и вечный бред узилища для Бакунина, - погоня на государственного преступника уже маячит на горизонте, застит глаза.

Дождь сыпал на мокрую палубу шкуны, словно пробивая красную икру сквозь грохотку, то усиливаясь то ослабевая, долго и настойчиво в течение всего невыносимого дня. Мишеля томили страхи, все его естество, пропитанное неистребимой русской действительностью, а судьба – русским Роком, - смотрело на него со стороны, не затрагивая сознания, из небытия. Бакунин понимал, что в нем присутствует неукротимый Дух, который не может остановить даже смерть, но когда ОН приходит или уходит - никто не знает. Стоический дух теряется - и сердце пребывает в хаосе, и нет спокойствия и пронизательной оппозиции смертному Року. Мишеля томили случайности непредсказуемой судьбы.

Поразительна способность человека грезить наяву, когда он, не замечая окружающего, строит фантастический мир, где направляет события по своему усмотрению, заставляет их говорить языком знакомых ему людей со свойственными им интонациями, но только то, что сам желает. Другое дело - забыть, когда утомленное борьбой с миром тело погружается в сладкую, снимающую с него груз жизни, а с сознания повязку реальности, пропасть. Вот чуть проваливаешься в сон, и снова очнулся. Маленькая каюта упирается в глаза. И ты опять засыпаешь. Уютно, отчужденно от мира начинают жить грезы, наливаясь почти осязаемой формой. Живет как бы душа, и видят её глаза, и чувствует запахи и звуки, чувствует даже забытую душевную атмосферу. Эмоции ведут диалог с сознанием, как наяву, от малейших движений души. Разум молчит, говорит сердце. Долгий путь оно проделало и вот перебирает прошлое, как будто сердце - это высший разум, не торопясь, всматривается в себя, помнит все, и переживает как боль всю сумму ощущений реального мира, полную в своей полноте, про нее не скажешь, что можно выразить словами или увидеть зрением.

Мир нам дан в образах и ощущениях, а мы рвемся за грань существования, из бытия в

небытие – зачем? За каким рожном, за Идеалом? Прочь от реального существования? Свою немощь в этом мире скрываем погоней за Истиной? За математической правильностью устройства общества, за оседланием своей Судьбы. Принимаем за существование символы, фантомы изменяющегося непрерывно мира. Мы хотим жить не так, как существуем. Нам кажется, что для этого нужно пройти долгий путь страдания. Зачем? Ведь мы существуем, осуществляемся уже. А для чего – это уже не «мы» и вопрос не к «нам», и незачем выходить за рамки бытия, - небытие от нас не зависит. Чтобы жить – надо действовать.

Либерализм, демократизм, - все слова, слова да слова, а за ними такая гнусная, мелочная действительность, что становится тошно. Слова в России действуют на меня как рвотное: чем эффективнее и сильнее, тем тошнее.

Странное явление представляет русская публичная жизнь! Это - царство теней, в котором подобия живых людей двигаются, говорят, кажется, что мыслят и действуют, а между тем не живут. Есть в них риторика всех страстей, нет страсти, нет действительности, ни общего преобладающего характера, ни характеров. Все - литература, писание да болтание, а ни капли жизни и дела - нет ни к чему действительного интереса. И наперед знаешь, что из слов не выйдет дела. Панаевы торжествуют и пишущая братия бьет себя страстно в пустую грудь, а грудь издает громкий звон, потому что в ней нет сердца; в головах полированные засушники с готовыми категориями и словами, а не живой производительный мозг; в мышцах нет силы, а в жилах нет крови - все тени, красноречивые, пустозвонные тени, и сам между ними становишься тенью. Они ведут теперь мелочную торговлю с помощью небольшого капитала, собранного Станкевичем, Белинским, Грановским, они спят, бредят вслух, размахивая руками, и только тогда пробуждаются к чувству действительности, когда затронута их лицо, их тщеславие, - единственная действительная страсть между так называемыми людьми порядочными.

От теней ли ждать чудес? Страшна будет русская революция, а между тем поневоле ее призываешь, ибо она одна в состоянии будет пробудить нас из губельной летаргии к действительным страстям и к действительным интересам. Она вызовет и создаст, может быть, живых людей, большая же часть нынешних, известных людей годна только под топор.

Много ли уцелело из поднявших знамя революции? Деятельность утомляет, сжигает людей, но русская обыденная пошлость их стирает и стаптывает.

Бакунина страшит не сама смерть тела, он и так знает, что смертен, - дважды приговаривался людским судом к расстрелу, - уничтожает, в час сомнения и слабости, смерть духа, парализует страх перед смертью духа. Не видя в реальности освобождения – он жаждет Смерти. Но смерть - не освобождение, мы не свободны, прежде всего, от нее самой. Смерть заложена в нас еще при рождении, это показала ему умершая маленькой девочкой сестра Соня. Мы приходим к смерти, как к чему-то заведомо данному. Она родилась с нами. Человек - это отсроченная Смерть.

Отсроченная на более-менее длительный срок, который, по сути, так мал, что им можно пренебречь. От этого не освободишься. Алчущий смерти смешон - он ее уже получил, - она у него уже есть.

Прошедшая жизнь - это всегда скорее вопрос, чем ответ. И вопрос этот прост: зная, что мы смертны - почему мы живем не так, как должны? А если не можем жить иначе, зачем мы живем вообще?

Цель жизни – смерть? Потому, что жизнь - конечна? А дух человека слаб. Жить или не жить - это уже выбор собственного духа. Если нет волевой ориентации на дух, то какой смысл жить?

За тяжелой пеленой темно-зеленое одеяло мокрых прибрежных сопок - бескрайний континент, прародина Азия, и возможно, судьба Европы. Деревья по сопкам без просветов человеческого жилья, непрерывный лес, мокрые непроходимые кусты. Капли пузырятся на волне, набегающей на берег, напор Великого Океана разбивается о камни, заросшие буйно колючками прибрежного шиповника и барбариса. Дождь падает на сочную траву, на крутые склоны скал с вызывающе ярко-желтыми цветами саранок, гальку и черные мотки выброшенных морем водорослей.

Дальше, в пространстве за мысом, начало другой дальнего мыса, серого в пелене дождя и низко нависших над ним темных клочьев туч, и туманный простор моря, насколько хватает глаз.

Вечер и наступившая ночь рассеяли ненастье. Зажглись звезды, взошла луна и светит сквозь ванты на качающуюся палубу, наполняет бухту призрачными тенями, сопки покрыты осязаемым флером. Звезды поблескивают мертвенным светом, - словно тать окружила замерзшую в страхе землю, всматриваясь в случайно не умерших, - и шепчутся между собой, посылая незримых гонцов в глаза живых.

Близок рассвет, над островком у входа в залив горит яркая планета, это взошла утренняя звезда, называемая древними «денницей», а по латыни «Люцифером», и еще Венерой, египтянами – Исидой, матерью мира. Китайцы тоже придают особый смысл этой звезде утренней и вечерней зари, - она взойдет высоко в день прихода Майтрейи, Будды Грядущего, когда под красными знаменами соберутся все племена – уроки в Кяхте священника из Пекинской миссии не прошли для Мишеля даром.

На палубе ударила одинокая рында и началось редкое движение. Мишель, запахнув макинтош, поднялся наверх. Китаец Ван, кок «Викерса» прошел мимо, опорожнил за борт поганое ведро.

Слабый свет зари выстужает и выбеливает глаза, и прибывает к мерно колышущейся воде клочья тумана, неясными призраками, тянущимися от берега. Еще не звучит гимн нового дня, но оркестр уже занял свои места. За дальними мысами, открытыми в море, скоро поднимется занавес утра. И радость вольется в жилы, и ты снова закричишь «ура» жизни. Мысли приведут в порядок желания, сознание включится в новый день и заботы, как штопор в пробку бытия. Мысли, неуютные и холодные ночью, освоятся окончательно в душе, понесут тебя уверенно навстречу твоей судьбе.

Мир не может быть абсолютно добрым или абсолютно злым. Почему? Он свободен. Значит противоречив. Не будь противоречив, был бы несвободен. А значит - и не добр и не зол. Рок – иллюзия трусливого сознания. И я, человек, живой – свободен.

Быть свободным - право, долг, достоинство, счастье, миссия человека. Исполнение его судьбы. Не иметь свободы - не иметь человеческого облика. Лишить человека свободы и средства к достижению ее, и пользования ею - это не просто убийство, это убийство человечества. Самый великий и единственный моральный закон - быть свободным и не довольствоваться только состраданием, а уважать, любить, помогать освобождению ближнего, так как его свобода непереносимое условие нашей.

А желание оторваться от реальности, стать сыном «света» или, ... воплощением «тьмы», но... тоже – «абсолютной», принимать за истину выдуманный мир – будет ли

востребовано реальным миром? Но мир не имеет отношения к «добру и злу», и наказывает за отказ от реальности и «тех и других» - не дает им свершиться в будущем. Подменяя борьбу - вымышленным миром, - «играющие в другую» жизнь отказываются от реализации своего будущего.